

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА POLITICAL REGIONALISTICS

УДК 324

DOI: 10.37490/S221979310026941-8

А. В. Горохов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия
E-mail: agorokhov@hse.ru

КООПТАЦИЯ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ РОССИИ: АНАЛИЗ И ДИНАМИКА

Анализ представленности оппозиционных партий (или кооптации) в региональных парламентах остаётся актуальной задачей, особенно в рамках продолжающегося электорального цикла 2018–2024 гг. Исследования представленности больше фокусируются на результатах «партии власти» или анализе всех законодательных собраний в целом, тем самым игнорируя как динамику данных процессов, так и региональное их измерение, которое является изменчивым и непостоянным. Целью исследования является обобщение и анализ результатов кооптации парламентских оппозиционных партий в контексте их представленности на высших должностях, как в контексте анализа всех электоральных кампаний 2003–2022 гг., так и понимания дальнейших перспектив партий в связи с завершением федерального электорального цикла.

С помощью методов статистического и сравнительного анализа было показано, что представленность оппозиционных парламентских партий на руководящих постах находится в тесной связи с их возможностями договариваться с «партией власти», и данная представленность является ограниченной для всех проанализированных кампаний, должностей и регионов. Также получено, что динамика представленности является во многом непостоянной и наиболее разнообразна лишь для постов глав комитетов региональных парламентов. Проведённый анализ позволяет не только оценить наличие руководящих должностей у основных политических оппозиционных партий, но также и даёт возможность оценить их динамику в региональном разрезе и разрезе электоральных циклов. Данные выводы позволяют сделать предположения о дальнейшей потенциальной динамике успешности партий на региональном уровне с точки зрения насущных противоречий и особенностей.

Ключевые слова: оппозиционные партии, выборы, кооптация, представленность оппозиции, электоральные результаты, динамика поддержки.

Для цитирования: Горохов А. В. Кооптация оппозиционных партий в региональных парламентах России: анализ и динамика // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 3. С. 3–19. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310026941-8>

A. V. Gorokhov

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: agorokhov@hse.ru

COOPTION OF OPPOSITION PARTIES IN RUSSIAN REGIONAL PARLIAMENTS: ANALYSIS AND DYNAMICS

The analysis of the representation (or cooption) of opposition parties in regional parliaments remains an urgent problem, especially in the context of the current 2018–2024 electoral cycle. Studies of representation tend to focus on the results of the “party in power” or the analysis of all legislative assemblies as a whole, ignoring the dynamics of these processes as well as their regional dimension, which is variable and unstable. The study is aimed at generalization and analysis the results of the cooption of parliamentary opposition parties in context of representation in senior positions, both in the context of the analysis of all electoral campaigns from 2003–2022, and to understand the future prospects of the parties during the federal electoral cycle.

Using statistical and comparative analysis methods, it was shown that the representation of opposition parliamentary parties is closely related to ability to negotiate with the “party of power”, and that this representation is limited in all the positions and regions analyzed. It was also found that the dynamics of representation is largely unstable and only reaches its diversity for the posts of heads of committees of regional parliaments. The analysis allows not only to assess the presence of leadership positions in the main political opposition parties, but also to assess their dynamics in the regional context and in the context of electoral cycles. These conclusions allow us to make assumptions about the further potential dynamics of party success at the regional level in terms of pressing contradictions and peculiarities.

Keywords: *opposition parties, elections, cooption, opposition representation, electoral results, support dynamics.*

For citation: Gorokhov A. V. (2023), Cooption of opposition parties in Russian regional parliaments: analysis and dynamics, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 19, no. 3, pp. 3–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310026941-8>

Введение. Электоральные процессы являются предметом исследовательского интереса в силу как важности их анализа для понимания политической жизни в конкретной стране или регионе, так и для понимания дальнейшего политического развития, которое часто продиктовано именно действиями избранных кандидатов.

В России выборы и связанные с ними политические изменения не просто тесно переплетаются, но и оказывают влияние друг на друга на многих уровнях, учитывая региональные и общенациональные кампании, особенности региональной политики. Особый интерес представляют кампании в субъектах страны в силу как важности электоральной поддержки для функционирования политических сил на федеральном уровне, так и в контексте многогранности и комплексности факторов, оказывающих влияние на сами выборы и связанные политические события.

При этом важную роль играет изучение оппозиции, которая является значимым фактором и условием для стабильности политических режимов. Оппозиционные

партии в России имеют долгую историю противостояния с «Единой Россией» с самого начала её участия в региональных выборах в 2003 г. Исследователи отмечают, что с каждым электоральным циклом зависимость результатов партий от власти (включая получение руководящих должностей) увеличивается и позволяет говорить о применимости к российским регионам концепта «кооптация» — предоставление руководящих должностей в региональных парламентах оппозиции в обмен на поддержку «партии власти» в голосованиях или законодательных инициативах.

Анализ электоральных циклов (совокупности региональных выборов, проходящих между выборами федерального уровня) показывает, что предоставление оппозиции постов в региональных парламентах не всегда зависит от политического «веса» или результатов партий, что актуально перед грядущими региональными и федеральными выборами. За последний электоральный цикл количество изменений, произошедших с традиционной системной оппозицией, значительно. Практически все её представители подходят к региональным выборам 2023 г. в состоянии кризиса позиционирования и сложностями в управлении, что накладывается на внешнеполитические события и региональные особенности. Но можно уверенно утверждать, что эти проблемы начались не одномоментно, и анализ региональных выборов через призму кооптации показывает это.

В рамках данной статьи проанализированы электоральные кампании в субъектах Российской Федерации через призму получения оппозицией руководящих постов в региональных парламентах в 2003–2022 гг. Анализ посвящён результатам партий и их перспективам как в рамках политического влияния в регионах, так и территориальной поддержки.

Методологическим инструментарием выступает сравнительный и статистический анализ в разрезе как электоральных кампаний, так и их результатов по электоральным циклам, что позволяет раскрыть и проанализировать результаты оппозиции.

Цель статьи — систематизация результатов представленности оппозиции на руководящих постах в парламентах субъектов Российской Федерации в 2003–2022 гг. в региональном разрезе и с точки зрения дальнейших перспектив.

Исходные предпосылки. Анализ оппозиции с точки зрения получения ей постов и руководящих должностей в парламентах (регионального или общенационального уровня) исходит из теории рационального выбора, согласно которой акторы (прежде всего власти) будут стремиться максимизировать свои преимущества от нахождения на посту [9]. В этом случае одной из стратегий по избеганию конфликтов между властями и оппозицией является делегирование последней политических и иных ресурсов, которое позволяет властям сохранить статус-кво, а оппозиции реализовывать запросы избирателей.

Исследователи расходятся в факторах, заставляющих власти выбирать модель взаимодействия с оппозицией. Дж. Ганди и А. Пшеворский отмечали, что выбор зависит от силы оппозиции — чем она слабее, тем меньше у власти стимулов предоставлять ей ресурсы (кооптировать) [7]. Но Р. Туровский и М. Сухова показали на примере России, что оппозиция чаще воспринимает кооптацию не как договор с властью, а как показатель признания себя в качестве политической силы, что может затруднять выполнение договоренностей [5].

Применение концепта кооптации к анализу российского политического контекста можно считать вполне успешным, поскольку в условиях доминирования «Единой

России» в регионах и на федеральном уровне у оппозиции остаётся мало возможностей для получения политических ресурсов, если она проводит несогласованную с федеральным центром политику [6]. Потому в дело вступают договорённости между оппозицией и властью, зачастую носящие «пакетный характер», которые позволяют партиям получать руководящие посты в регионах.

Зарубежный опыт исследования показывает, что логика предоставления оппозиции руководящих должностей чаще характерна для общенационального уровня [10] и трактуется для обоснования, во-первых, важности парламента как площадки для переговоров [2], а во-вторых, обоснования существования тех партий, которые имеют возможности для представительства и руководящих должностей в парламенте [8].

Но российский опыт исследований отличается рядом особенностей. Прежде всего, в центре анализа — системная оппозиция, те партии, которые не просто имеют возможность участвовать в политике и выборах, но и принимают участие в управлении страной [3]. Так как лишь у ограниченного числа партий есть возможности и опыт участия в ряде электоральных кампаний, ещё и разного уровня, данная особенность уточняет наше понимание логики и причин получения оппозицией руководящих постов. Другим важным фактором является то, что интерес оппозиции к руководящим постам связан с особенностями их распределения. У «Единой России» нет оснований для предоставления этих должностей в силу доминирующего электорального перевеса в поддержке. Но распределение должностей является важным механизмом поддержания статуса-кво, ведь посты распределяются путём выдвижения и голосования депутатов, что оставляет пространство для переговоров и договорённостей. Данная особенность становится ключевым механизмом снижения противоречий и увеличения управляемости в регионах [11].

На региональном уровне парламенты играют даже более значимую роль, чем на федеральном. Важность изучения распределения руководящих должностей в региональном парламенте исходит из их роли в политической жизни субъектов, поскольку они являются ключевыми аренами, где элиты конкурируют за влияние на политику и формирование политической повестки дня [4]. А потому они не только являются площадкой для конкуренции, но и значимым инструментом для региональных экономических групп, влияние которых на политику за счёт встраивания во властную вертикаль не стоит недооценивать [1].

Таким образом, уникальность и значимость анализа региональных парламентов позволяет сделать выводы об успешности региональной политики конкретных партий, их дальнейших перспективах, в т. ч. на федеральном уровне.

Результаты исследования. Когда речь идёт о результатах оппозиционных партий в региональных выборах, исследователи концентрируются как на полученных ими местах, так и на том, как эти места конвертируются в политическое влияние. А потому анализ и будет посвящён руководящим постам, распределяемым в региональных парламентах.

Анализу региональных партийных систем, а также отдельным показателям партий и процедурам выборов посвящены целые блоки исследований. В рамках данной статьи основной фокус будет смещён на парламентскую оппозицию, представленную также и на федеральном уровне. Непарламентской же оппозиции в силу объективно более слабых результатов будет уделено меньше внимания.

При анализе должностей речь идёт о трёх основных группах — poste председателя, его заместителях (первых и «обычных») и постах руководителей профильных комитетов, которые чаще связаны с карьерными траекториями или спецификой повестки партии.

Говоря о прошедших с 2003 г. выборах в региональные парламенты, важно подчеркнуть неравномерность их проведения — от 5 выборов в 2012 г. до 39 в 2016 г. и 2021 г.¹ Столь масштабное различие оказывало влияние на политику партий в отношении проводимых выборов, а также на выдвижение кандидатов.

Переходя к представленности оппозиционных партий в региональных парламентах, стоит начать с позиции председателя. Несмотря на проведённые 348 кампаний, оппозиции лишь трижды удавалось получить данный пост с начала участия «Единой России» в региональных выборах в 2003 г. (табл. 1).

Таблица 1

Количество председателей парламента, избранных от оппозиции

Table 1

Number of chairmen of parliament elected from the opposition

Год	Количество выборов	Число постов, полученных оппозицией	Регион	Партия
2005	20	2	Амурская область, Владимирская область	Блок «Мы — за развитие Амурской области», КПРФ
2019	13	1	Хабаровский край	ЛДПР

За всё время два кейса победы оппозиции были в 2005 г. В Амурской области «партию власти» обошёл блок «Мы — за развитие Амурской области», основанный региональными отделениями «Яблока» и «Российской Партии Жизни», председателем стал лидер блока О. Турков. Во Владимирской области кандидатура лидера местного отделения КПРФ была поддержана «Единой Россией» и губернатором-коммунистом Н. Виноградовым, оказавшим покровительство своей партии. В следующий раз представитель оппозиции стал председателем парламента лишь в 2019 г., когда на фоне протестного голосования к власти в Хабаровском крае пришли представители ЛДПР и председателем стала И. Зикунова.

Стоит отметить полное доминирование «партии власти» в руководстве региональными парламентами, что объясняется необходимостью для федерального центра контролировать единую повестку с одной стороны, а с другой — модерировать политические процессы посредством законодательных инициатив.

Чаще оппозиция получает должности заместителя председателя парламента, особенно благодаря «пакетным договоренностям» между всеми партиями в парламенте. Потому на данных должностях наблюдается большее число представителей от оппозиции в разные годы. Для наглядности, данные были объединены по электро-ральным циклам (табл. 2).

¹ Здесь и далее: Архив избирательных кампаний ЦИК РФ. [Электронный ресурс]: URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (дата обращения: 25.07.2023).

Количество заместителей председателя, избранных от оппозиции

Number of vice chairmen elected from the opposition

Электоральный цикл	Количество выборов	Количество регионов, где оппозиция получила места	Число постов, полученных оппозицией/общее число возможных в парламенте	Партия (и количество полученных мест)
2003–2008	110	10	14/26	КПРФ (5), АПР (4), ЛДПР (1), «Родина» (1) Блок «Мы — за развитие Амурской области» (1), Блок «Наш Алтай» (1)
2009–2012	69	20	35/72	КПРФ (15), СР (12), ЛДПР (7), «Яблоко» (1)
2013–2018	102	36	61/131	КПРФ (30), ЛДПР (17), СР (10), «Патриоты России» (3), «Коммунисты России» (1)
2019–2022	67	4	34/120	КПРФ (18), ЛДПР (9), СР (7)

Чаще места заместителя председателя получала КПРФ — 68 из 144 постов, доставшихся оппозиции. Были и регионы, где все посты заместителей доставались КПРФ — это Омская область и Пермский край в 2011 г. и Воронежская область в 2015 г.; партия получала одно из вакантных мест в парламентах, где число заместителей больше двух. Эта ситуация выгодна для «Единой России», которая предпочитает делегировать места оппозиции для соблюдения баланса.

ЛДПР лишь с 2013 г. вышла на следующее за КПРФ место по числу получаемых должностей, но разрыв между ними в получаемых постах фактически в два раза (34/144). Лишь в отдельных регионах партия получала половину от вакантных постов — Пермский край в 2011 г. (вместе с СР), Хабаровский край в 2019 г. (вместе с ЕР) и С.-Петербург в 2021 г. (вместе с ЕР). Партия получала пост лишь в том случае, когда хотя бы одной оппозиционной партии также доставалась должность.

«Справедливая Россия» показывает достойный результат в получении мест заместителя председателя — наибольшие успехи совпали с пиком популярности партии на федеральном уровне в 2009–2013 гг., когда СР получила 12 из 35 постов. Партия не получала должностей вплоть до 2008 г., уступая более популярным федеральным или региональным партиям. Из наибольших успехов можно выделить упомянутый Пермский край, Калининградскую область и С.-Петербург в 2011 г., когда партия получила половину от доступных должностей заместителя председателя парламента.

Интересными являются случаи региональных объединений — таких как «Мы — за развитие Амурской области» и «Наш Алтай», которые получали посты за счёт выстроенной политики и узнаваемости. Прочие партии реже получали должности заместителей, что связано с популярностью лишь отдельных представителей партий.

Наибольшая ротация наблюдается при распределении должностей глав парламентских комитетов. Уровень конкуренции здесь максимальный, но со своими особенностями, которые лучше рассматривать, анализируя каждый цикл (табл. 3).

Таблица 3

Количество глав комитетов, избранных от оппозиции в 2003–2008 гг.

Table 3

Number of committee heads elected from the opposition in 2003–2008

Год	Количество выборов	Количество регионов, где оппозиция получила места	Партия (и количество полученных мест)
2003	14	1	КПРФ (1)
2004	17	4	КПРФ (4), СПС (1), «Наша Родина» (1), СР (1), Родина (1)
2005	20	4	КПРФ (4), Блок «Мы — за развитие Амурской области» (2), АПР (1), «Народный депутат» (1)
2006	18	2	«Блок наш Алтай» (3), ЛДПР (1), КПРФ (1)
2007	25	6	КПРФ (5), ЛДПР (1), СР (1)
2008	16	4	КПРФ (2), ЛДПР (1), СР (1), АПР (1)

В рамках электорального цикла 2003–2008 гг. отмечается доминирование КПРФ в региональном разрезе в абсолютных числах, но есть и большое число партий, не имеющих представительства на федеральном уровне, но обладающих поддержкой и ресурсами для занятия постов в регионах. Кроме того, традиционная оппозиция в лице ЛДПР и СР значительно уступает в борьбе за посты глав комитетов региональным партиям и КПРФ. Всего в электоральном цикле оппозиция имела крайне низкое представительство — лишь в 23 регионах из 110, где были выборы. Большинство комитетов и должностей сохранялось под контролем «Единой России».

Важно оценивать электоральные циклы также по тому количеству глав комитетов, которые они получили от общего числа избранных депутатов. Сравнение числа контролируемых с доступными комитетами неэффективно, поскольку партии в среднем получали 10–15 % от имеющихся постов (на каждом цикле). Сопоставление глав комитетов с общим числом депутатов от партии показывает эффективность получения руководящих постов в зависимости от представленности (табл. 4).

Таблица 4

Относительное число руководителей комитетов от оппозиции к числу полученных мандатов, в 2003–2008 гг.

Table 4

Number of committee heads elected from the opposition in 2003–2008

Год	КПРФ (Руководители/ общее число мандатов)	ЛДПР (Руководители/общее число мандатов)	СР (Руководители/общее число мандатов)
2003	0,67 (2/3)	— ²	—
2004	0,17 (4/21)	—	0,1 (1/10)
2005	0,14 (4/33)	—	—
2006	0,25 (1/4)	0,1 (1/10)	—
2007	0,22 (7/43)	0,3 (3/10)	—
2008	0,29 (2/7)	0,17 (1/6)	0,5 (1/2)

КПРФ является наиболее стабильной партией в получении постов глав комитетов, но эта эффективность невысока (в среднем 0,21 за цикл), за исключением 2003 г., когда 2 из 3 возможных должности в республике Калмыкия получила партия и коэффициент составил 0,67. ЛДПР была сравнима по показателям эффективности, а кандидаты от СР были представлены лишь в 2008 г., когда в Забайкальском крае 1 из 2 избранных депутатов стал руководителем комитета.

Ситуация изменилась на следующем электоральном цикле (табл. 5).

Таблица 5

Количество глав комитетов, избранных от оппозиции в 2009–2012 гг.

Table 5

Number of committee heads elected from the opposition in 2003–2008

Год	Количество выборов	Количество регионов, где оппозиция получила места	Партия (и количество полученных мест)
2009	13	3	КПРФ (5), ЛДПР (2), СР (1)
2010	13	4	КПРФ (3), ЛДПР (3), СР (2)
2011	38	19	КПРФ (13), СР (13), ЛДПР (9), «Яблоко» (2)
2012	5	1	СР (1)

С 2009 г. КПРФ, ЛДПР и СР становятся главными бенефициарами от распределения постов. В абсолютных значениях СР даже превосходят ЛДПР по количеству полученных комитетов — 17 против 14, а в 2011 г. количество комитетов, которые возглавили КПРФ и СР сравнялось по абсолютным значениям. Но общая доля регионов, где оппозиции получила посты глав комитетов, невысока — 27 из 69. Но даже

² Прочерк означает отсутствие представителей партии среди руководящих должностей в этом году.

при получении постов оппозицией, большинство комитетов продолжает контролироваться «Единой Россией».

По относительным показателям эффективности партий, ситуация выглядела следующим образом (табл. 6).

Таблица 6

Относительное число руководителей комитетов от оппозиции к числу полученных мандатов, в 2009–2012 гг.

Table 6

Relative number of committee heads from the opposition to the number of mandates received, in 2009–2012

Год	КПРФ (Руководители/ общее число мандатов)	ЛДПР (Руководители/ общее число мандатов)	СР (Руководители/общее число мандатов)
2009	0,16 (5/31)	0,25 (3/12)	0,11 (2/18)
2010	0,17 (3/18)	0,3 (3/9)	0,38 (3/8)
2011	0,17 (15/89)	0,24 (9/38)	0,3 (18/60)
2012	–	–	0,2 (1/5)

Эффективность кандидатов от КПРФ остаётся на сравнимом с предыдущим циклом уровне. ЛДПР, несмотря на меньшее число избранных кандидатов, была эффективнее в получении руководства комитетами — в среднем 0,26. У СР показатель составил 0,3, а партия достигла наибольших показателей в 2010 г. (0,38) и в 2011 г. (0,3), получив больше мест в парламентах за эти годы, чем ЛДПР, что позволило партии быть эффективнее в данном электоральном цикле, но слабее чем КПРФ.

Что касается следующего электорального цикла, то в абсолютных показателях ситуация стала такой (табл. 7).

Таблица 7

Количество глав комитетов, избранных от оппозиции в 2013–2018 гг.

Table 7

Relative number of committee heads from the opposition to the number of mandates received, in 2009–2012

Год	Количество выборов	Количество регионов, где оппозиция получила места	Партия (и количество полученных мест)
2013	16	4	КПРФ (3), ЛДПР (3), СР (4), «Татарстан — новый век» (1), «Родина» (1)
2014	14	11	КПРФ (8), ЛДПР (3), СР (2)
2015	11	4	КПРФ (3), ЛДПР (2), СР (1)

2016	39	17	КПРФ (11), ЛДПР (11), СР (6), Партия роста (1)
2017	6	3	КПРФ (3), Патриоты России (2), ЛДПР (1)
2018	16	14	КПРФ (9), ЛДПР (7), СР (5), РПСС (1)

Несмотря на увеличение числа выборов, оппозиция не смогла нарастить число комитетов под своим контролем — лишь на 53 выборах из 102 места во главе комитетов получила оппозиция, а не «Единая Россия». Появились и кейсы, когда во главе комитетов были поставлены представители партий, не представленные на федеральном уровне — такие как «Партия роста», «Патриоты России», «Партия пенсионеров за справедливость» и региональный блок «Татарстан — новый век». В 2016 г. количество комитетов, которые возглавили КПРФ и ЛДПР, сравнялось — по 11, однако абсолютные показатели различаются — 37 у КПРФ против 33 у ЛДПР. «Справедливая Россия» на фоне снижения популярности на федеральном уровне отошла на третье место, в ряде случаев даже уступая его — всего у партии было 18 постов глав комитетов.

В показателях эффективности электоральный цикл был следующим (табл. 8).

Таблица 8

Относительное число руководителей комитетов от оппозиции к числу полученных мандатов, в 2013–2018 гг.

Table 8

Relative number of committee heads from the opposition to the number of mandates received, in 2013–2018

Год	КПРФ (Руководители/ общее число мандатов)	ЛДПР (Руководители/ общее число мандатов)	СР (Руководители/общее число мандатов)
2013	0,21 (3/14)	0,33 (3/10)	0,25 (1/4)
2014	0,25 (7/28)	0,43 (4/9)	0,36 (4/11)
2015	0,5 (4/8)	1 (2/2)	0,5 (1/2)
2016	0,29 (9/31)	0,32 (11/34)	0,46 (6/13)
2017	0,3 (3/12)	0,5 (1/2)	–
2018	0,1 (8/91)	0,21 (7/33)	0,29 (5/17)

Значения для всех партий выросли: для КПРФ они составили в среднем 0,28, для ЛДПР — 0,47, а для СР — 0,37. ЛДПР эффективнее остальных партий смогла «конвертировать» свои места в парламенте в должности руководителей комитетов, несмотря на в два раза меньшую представленность, чем у КПРФ (90 депутатов против 184 у КПРФ). В пользу ЛДПР сказались результаты в Воронежской и Костромской областях, где все кандидаты от партии, несмотря на небольшие фракции в парламентах, получили должности руководителей комитетов. СР же в рамках кампаний в 2016 г. смогла получить 6 постов руководителей для 13 своих депутатов, продемонстрировав наибольшую для себя эффективность.

Наконец, результаты последнего электорального цикла в абсолютных значениях стали следующими (табл. 9).

Таблица 9

Количество глав комитетов, избранных от оппозиции в 2019–2022 гг.

Table 9

Number of committee heads elected from the opposition in 2019–2022

Год	Количество выборов	Количество регионов, где оппозиция получила места	Партия (и количество полученных мест)
2019	13	8	КПРФ (7), ЛДПР (8), СР (5), «Моя Москва» (2), Коммунисты России (1), Яблоко (1), РППС (1), РЭПЗ (1), Патриоты России (1)
2020	11	1	КПРФ (1), ЛДПР (1)
2021	39	20	ЛДПР (13), КПРФ (11), СР (6), Партия пенсионеров (2)
2022	6	4	КПРФ (3), ЛДПР (2), СР (1)

Говоря об этом цикле, стоит отметить, что, несмотря на нестабильное число регионов, где оппозиции получается закрепиться во главе комитетов, большое их число отдаётся КПРФ и ЛДПР — 22 у коммунистов и 18 у либерально-демократической партии. В 2021 г. ЛДПР даже удалось обойти КПРФ по числу полученных постов. Несмотря на объединение «Справедливой России» с «За правду!» и «Патриотами России», преодолеть кризис идентичности у партии не получилось — лишь 12 постов глав комитетов отошли к партии. Тем не менее, это не сильно отличается от показателей ЛДПР, которая в 2022 г. также начала испытывать проблемы с позиционированием.

Результаты партий в разрезе относительных значений выглядят следующим образом (табл. 10).

Относительное число руководителей комитетов от оппозиции к числу полученных мандатов, в 2003–2008 гг.

Relative number of committee heads from the opposition to the number of mandates received, in 2003–2008

Год	КПРФ (Руководители/ общее число мандатов)	ЛДПР (Руководители/ общее число мандатов)	СР (Руководители/общее число мандатов)
2019	0,16 (7/45)	0,24 (8/34)	0,31 (5/16)
2020	0,25 (1/4)	0,4 (2/5)	0,25 (1/4)
2021	0,19 (11/59)	0,37 (13/35)	0,24 (6/24)
2022	0,19 (3/16)	0,4 (2/5)	0,1 (1/10)

Несмотря на наибольшую представленность КПРФ, партия не столь эффективна в ее «конвертировании» в руководящие должности — коэффициент представленности составил в среднем 0,2. Для СР отношение руководящих должностей к общему числу депутатов оказалось выше (0,23), несмотря на меньше число депутатов от партии в парламентах. Наибольшим бенифициаром в распределении должностей стала ЛДПР — у партии показатель в среднем равен 0,35. В последних электоральных кампаниях он значительно превышал показатели других, что показывает, что большая электоральная представленность не всегда ведет к аналогичной в контексте руководящих должностей.

По итогу, в разрезе комитетов преимущество по числу получаемых должностей в абсолютных показателях получает КПРФ. Но в эффективности кооптации относительно общего числа депутатов ЛДПР является наиболее эффективной, достигая результатов с меньшим числом депутатов в парламентах.

Если взглянуть на число регионов, где пост заместителя председателя и хотя бы один комитет контролируется оппозицией, то ситуация для последней не выглядит столь оптимистичной (табл. 11).

Как можно убедиться, число таких регионов крайне мало. Самое минимальное их число было лишь на первом электоральном цикле — 4 электоральных кампании из 110 (или 3,6 %), далее их число выросло до стабильного уровня: 20,2 % в 2009–2012 гг., 19,6 % в 2013–2018 гг., и 25,3 % в 2019–2022 гг. Значения показывают, что, несмотря на очевидное доминирование «Единой России» в региональных парламентах в контексте электоральной поддержки и формирования руководства парламентами, партия заинтересована в распределении властных полномочий в пользу оппозиции, дабы сбалансировать и стабилизировать управление в регионах.

Таблица 11

Согласованность контроля постов заместителя председателя и комитетов парламента, по электоральным циклам

Table 11

Consistency in the control of the posts of deputy chairman and parliamentary committees, by electoral cycles

Электоральный цикл	Количество выборов	Количество регионов, где оппозиция получила места	Число регионов, где оппозиция контролирует и комитеты, и посты заместителя
2003–2008 гг.	110	10	4
2009–2012 гг.	69	20	14
2013–2018 гг.	102	36	20
2019–2022 гг.	67	24	17

Что касается отличий партий по соотношению полученных должностей и их представленности в парламенте, то по электоральным циклам ситуация выглядит следующим образом (табл. 12).

Таблица 12

Соотношение средней доли депутатов от оппозиционной партии и полученных ею руководящих постов в парламенте

Table 12

The ratio of the average share of deputies from the opposition party and the leadership positions received by it in parliament

Электоральный цикл	КПРФ, % депутатов	ЛДПР, % депутатов	СР, % депутатов	Количество полученных должностей
2003–2008 гг.	16	11	13	23 — КПРФ 4 — ЛДПР 3 — СР
2009–2012 гг.	14	8,4	11,9	36 — КПРФ 21 — ЛДПР 29 — СР
2013–2018 гг.	12,2	7,8	5,5	67 — КПРФ 44 — ЛДПР 28 — СР
2019–2022 гг.	13,8	8,1	6,5	40 — КПРФ 34 — ЛДПР 19 — СР

В рамках цикла 2003–2008 гг. средняя доля депутатов от КПРФ больше средней доли от ЛДПР в 1,45 раза, доли СР — в 1,23 раза. При этом число кооптированных депутатов от КПРФ больше ЛДПР в 5,75 раз, а в отношении СР — в 7,66 раз. Для ЛДПР

по отношению к СР данные показатели составляют 0,84 и 1,33 соответственно. Тем самым была очевидная диспропорция в пользу КПРФ по отношению с остальными.

На электоральном цикле 2009–2012 гг. ситуация сохранялась — соотношение доли депутатов от КПРФ к ЛДПР было выше в 1,66 раза, по отношению к СР — в 1,17 раза. Количество должностей КПРФ было выше, чем у ЛДПР в 1,71 раза, и чем у СР — в 1,24 раза. У ЛДПР по отношению к СР данные показатели составляли 0,7 и 0,72 соответственно. КПРФ сохраняла свои позиции не только по большему числу депутатов в парламентах, но и по большей представленности на руководящих постах. СР же была эффективнее ЛДПР по аналогичным показателям.

В 2013–2018 гг. КПРФ продолжала стабильно получать как большую долю депутатов по сравнению с ЛДПР и СР (больше в 1,56 и 2,2 раза соответственно), так и большую долю руководящих постов (в 1,52 и 2,39 раза соответственно). Но ЛДПР уже стала гораздо эффективнее по отношению к СР как по доле депутатов в парламенте — больше в 1,4 раза, так и по доле должностей — больше в 1,57 раза.

Наконец в 2019–2022 гг. соотношение доли депутатов всё ещё в пользу КПРФ — больше в 1,7 раза, чем у ЛДПР и в 2,12 — чем у СР. Но что касается числа полученных должностей, то здесь у КПРФ их стало больше, чем в ЛДПР лишь в 1,18 раза, и в 2,1 раза — чем у СР. Доля депутатов от ЛДПР больше доли представителей «Справедливой России» в 1,25 раза, число полученных должностей — в 1,79 раза. Диспропорция в пользу ЛДПР становится явной как к более сильной КПРФ, так и более слабой СР. А значит, более слабая в электоральном плане ЛДПР становится наиболее предпочтительной для кооптации, чем КПРФ.

В конце хотелось бы остановиться на особенностях распределения должностей глав комитетов в последнем электоральном цикле, ведь именно за них идет наибольшая конкуренция в относительных и абсолютных показателях. В 2018–2022 гг. (учитывая близость выборов президента, удобнее взять 2018 г.) прошло 85 выборов, в которых КПРФ и ЛДПР досталось по 31 должности, а СР — 17.

Чаще всего КПРФ получала пост главы комитета по вопросам местного самоуправления / законодательства (5 из 31), а также промышленности (4/31). ЛДПР чаще остальных возглавляла комитет по промышленности (5/31), а также по культуре и спорту (4/31). Распределение постов для СР более равномерно — партия получала комитеты по местному самоуправлению, бюджету, социальной политике и ЖКХ — по 2 комитета. КПРФ чаще возглавляла комитеты по политике и промышленности (9/31), а ЛДПР — комитеты по промышленности и культуре/спорту (9/31). У «Справедливой России» паттернов нет в силу более равномерного распределения.

Ситуация для оппозиции в региональных парламентах выглядит неоднозначной, поскольку её присутствие на руководящих постах сохраняется на стабильном уровне, но при этом ограничено и не выходит за рамки, угрожающие доминированию власти в регионах.

Выводы. Подводя итог, следует сделать выводы о представленности оппозиции на руководящих постах в региональных парламентах. Данное присутствие является контролируемым со стороны власти, учитывая её доминирование в электоральном и управленческом плане. Это позволяет говорить о кооптации, которая проявляется в предоставлении оппозиции руководящих постов в обмен на сохранение статуса-кво, что является важным фактором стабильности управления. Но даже при наличии у оппозиции руководящих должностей, они вписаны в общую систему сдержек и противовесов, обеспеченную доминированием «Единой России».

Если говорить о динамике партий в контексте должностей, ключевую должность — председателя парламента — «Единая Россия» давно контролирует, допуская буквально единичные случаи её получения оппозицией. Куда более активно оппозиция занимает посты заместителя председателя, но их количество безусловно тоже в разы меньше, чем у партии власти. Наибольшая конкуренция наблюдается для должностей глав комитетов, где оппозиция в среднем получает около 20–30 %, но их распределение также является контролируемым.

Переходя к конкретным партиям, КПРФ получает большую долю депутатов в парламентах и число руководящих должностей в целом (166 постов против 103 у ЛДПР и 79 у СР). Помимо единичных кейсов получения поста вице-председателя, партия активно участвует в руководстве комитетами, в частности, в последнем электоральном цикле отвечающими за политическое и промышленное развитие. КПРФ значительно превосходит остальные оппозиционные партии по числу получаемых должностей, но относительно общего числа депутатов её представленность невысока. Учитывая это, стоит ожидать, что число предоставляемых им должностей может снизиться.

ЛДПР не всегда была второй оппозиционной партией, получающей руководящие должности, учитывая противостояние с КПРФ и наличие сильных региональных соперников. ЛДПР лишь с 2007 г. получает стабильно должности в региональных парламентах, и динамика их получения более выражена. Активна партия и в получении руководства над комитетами — в последнем электоральном цикле она чаще получала комитеты по промышленности, культуре и спорту. ЛДПР является наиболее эффективной по соотношению количества руководителей к общему числу депутатов в парламентах, и данный тренд усилился в последние электоральные циклы. Но утрата бессменного лидера В. Жириновского и затяжной кризис партийной идентификации могут серьёзно ослабить механизм получения партией должностей.

Говоря о «Справедливой России», важно подчеркнуть, что партия чаще упомянутых проигрывает региональным конкурентам, учитывая и снижение электорального интереса на федеральном уровне. И если в 2009–2012 гг. партия имела сильные позиции в ряде субъектов (особенно в 2011 г.), то далее эта поддержка снизилась. Что характерно, у партии на последнем цикле нет ярко выраженных комитетов, которые бы она возглавляла, что во многом связано с неоднородностью представленности партии на руководящих постах.

Наконец, говоря о дальнейших перспективах партий в контексте как региональных, так и федеральных выборов, вся системная оппозиция фактически находится в состоянии кризиса как собственной идентификации (учитывая дрейф повестки в сторону «Единой России»), так и снижающейся региональной поддержки. Потому многое будет определять успешность взаимодействия с властью, и эффективность сильных региональных и федеральных конкурентов («Новые люди»).

Результаты исследования показывают, что эффективность в получении руководящих должностей слабо связана с долей депутатов в парламенте (что ярко видно на примере ЛДПР и СР), и анализу причин результатов партий в регионах следует уделить отдельное внимание. И от того, насколько партии смогут решить внутренние противоречия и договориться между собой, будут зависеть их перспективы на региональном и федеральном уровнях.

Литература

1. *Зубаревич Н.* Пришёл, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть // *Pro et Contra*. 2002. № 1. С. 23–41.
2. *Кынев А. В.* Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // *Полис: Политические исследования*. 2006. № 6. С. 145–160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.06.11>.
3. *Панов П. В., Сулимов К. А.* Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики // *Ars Administrandi*. 2021. № 4. С. 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535>.
4. *Туровский Р. Ф.* Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2016. № 1 (80). С. 162–180.
5. *Туровский Р. Ф., Сухова М. С.* Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2021. № 2 (101). С. 121–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>.
6. *Шишкина В. И.* Политическая оппозиция в современной России: стратегии развития в региональном пространстве // *Вестник Поволжского института управления*. 2015. № 4 (49). С. 123–130.
7. *Gandhi J., Przeworski A.* Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships // *Economics & Politics*. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.2006.00160.x>.
8. *Hale H.* *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 275 p.
9. *Hall P., Taylor R.* Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. No. 5. P. 936–957. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x>.
10. *Reuter O. J., Robertson G.* Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes // *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 77. No. 1. P. 235–248. <https://doi.org/10.1086/678390>.
11. *Tavits M.* *Post-communist democracies and party organization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 289 p.

References

1. Zubarevich N. (2002), Came, saw, won? Big business and regional authorities, *Pro et Contra*, no. 1, pp. 23–41. (In Russ.).
2. Kynev A. V. (2006), Political parties in Russian regions: a view through the prism of regional electoral reform, *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 145–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.06.11>.
3. Panov P. V., Sulimov K. A. (2021), The Party in power and the systemic opposition in the State Duma: convergence of public rhetoric, *Ars Administrandi*, no 4, pp. 516–535. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535>.
4. Turovsky R. F. (2016), Nationalization and regionalization of party systems: approaches to research, *Politeia*, vol. 80, no. 1. P. 162–180. (In Russ.).
5. Turovsky R. F., Sukhova M. S. (2021), Co-optation of Opposition in Russian Regional Parliaments: Game That Breaks Rules, *Politeia*, vol. 101, no. 2, pp. 121–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>
6. Shishkina V. I. (2015), Political opposition in modern Russia: development strategies in the regional space, *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, vol. 49, no. 4, pp. 123–130. (In Russ.).
7. Gandhi J., Przeworski A. (2006), Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships, *Economics & Politics*, vol. 18, no. 1, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.2006.00160.x>.
8. Hale H. (2006), *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*, Cambridge, Cambridge University Press, 275 p.
9. Hall P., Taylor R. (1996), Political Science and the Three New Institutionalisms, *Political Studies*, vol. 44, no. 5, pp. 936–957. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x>.
10. Reuter O. J., Robertson G. (2015), Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes, *The Journal of Politics*, vol. 77, no. 1, pp. 235–248. <https://doi.org/10.1086/678390>.
11. Tavits M. (2013), *Post-communist democracies and party organization*, Cambridge, Cambridge University Press, 289 p.

Сведения об авторе

Горохов Александр Владимирович — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.

E-mail: agorokhov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-3118-9403

Web of Science ResearcherID: ABF-5192-2021

About the author

Alexander Gorokhov, PhD student, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: agorokhov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-3118-9403

Web of Science ResearcherID: ABF-5192-2021

Поступила в редакцию 31.07.2023 г.

Поступила после доработки 25.08.2023 г.

Статья принята к публикации 07.09.2023 г.

Received 31.07.2023.

Received in revised form 25.08.2023.

Accepted 07.09.2023.